

УДК [161. 263:316. 472. 4] 93/94

Татьяна Попова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Автор статті вперше у вітчизняній історіографії поставила та спробувала теоретично обґрунтувати важливу наукову проблему щодо формування наукового співтовариства істориків історичної науки.

*Нет человека, который был бы как Остров,
сам по себе: каждый человек есть
часть Материка, часть Суши...*

Джон Донн

Любое новое научное направление начинается с появления своего субъекта, т.е. «носителя» принципиально новых идей. Осуществляя прорыв в область неизведанного, исследователь подчас балансирует на грани уже существующего, традиционного знания и вновь открываемого. Инновации зарождаются в рамках привычных канонов, облачаются в формы лексических и иных стандартов и в течение иногда длительного времени не осознаются ни их авторами, ни их оппонентами как нечто претендующее на автономность своего существования.

Феномен гештальт-переключения в интеллектуально-исследовательской сфере вряд ли следует воспринимать всегда как единовременный акт. Это относится и к естественнонаучному, и уж тем более к социогуманитарному, в частности – историческому, знанию, где восприятие парадигмальных сдвигов растягивается на десятилетия. Новое знание, возникнув, как исследовательская проблема, постепенно складывается в научное направление, затем формируется в виде отдельной

отрасли родового знания и, наконец, приобретает дисциплинарную самостоятельность, конституируясь в полноправную научную дисциплину*.

Именно на дисциплинарном уровне осуществляется синтез когнитивных и социальных аспектов науки: новая парадигма объединяет представителей определенной группы исследователей, которые, в свою очередь, принимая ее нормативы, превращаются в профессиональное специализированное научное сообщество, выступая уже как коллективный субъект нового дисциплинарного знания.

Дисциплинарная история, уже утвердившаяся в историко-научных исследованиях не только на уровне эмпирики, но и на уровне ее теоретического осмысления¹, заявляет о себе и в научном сообществе историков.

В последние десятилетия в отечественной и российской историографии наметилась тенденция к осмыслению отраслевых составляющих исторической науки: в диссертационных и монографических исследованиях, в отдельных публикациях авторами представлены образы ряда дисциплин исторического профиля².

Возникновение историографических знаний и превращение затем историографии в специальную историческую дисциплину в рамках университетской традиции в Российской империи** представляло собой длительный и далекий от линейности процесс.

Дисциплинарная история историографической науки находится еще в стадии своего фрагментарно-эмпирического освоения (что, впрочем, характерно и для изучения других отраслей исторического знания). Поиск новых подходов и методик, которые бы способствовали переходу на иной качественный уровень на пути к историографическому синтезу – задача стратегического плана и требует усилий многих исследователей. Попробуем в нашей статье остановиться на одном из ее многочисленных сюжетов, опираясь на материалы региональной историографии и ориентируясь на понятийный аппарат науковед-

ческих исследований. Обозначить возможные линии изучения темы – скромная задача автора.

**К ИСТОРИИ ВОПРОСА.
«ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ» ИСТОРИОГРАФИИ**

*Ученый отличается от литератора тем,
что «...цитирует различные мнения
по спорным проблемам, прежде
чем высказать собственное суждение...»*

Ян Парандовский.

Тезис о неразрывной связи процесса формирования историографии как научной дисциплины с дидактическим процессом превратился ныне для специалистов-историографов в хрестоматийное положение. Благодаря исследованиям многих укра-

* Безусловно, это – схема логического порядка, которая не всегда соответствует конкретно-историческому развитию отдельных ветвей знания.

** В рамках университетской науки в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в отличие от европейской науки происходило дисциплинарное оформление новой ветви исторического знания – истории исторической науки, которая получала название «историография»; этот процесс осуществлялся в русле единой российской общеуниверситетской традиции, хотя и имел свою региональную специфику. В традициях западной (символически) науки проблемное поле истории исторической науки распределилось среди ряда дисциплин: интеллектуальная история, социальная история, собственно историография как историческая наука, эпистемология истории, теория истории, философия истории и проч. См. подробнее: Попова Т. Н. Лики историографии: имена и смыслы // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики Число 5/ Історіографічні дослідження в Україні (Вип. 10): Зб. наук. пр. на пошану академіка НАН України В.А.Смоля: У 2 ч. / Відп. ред. М.Ф.Дмитрієнко, Ю.А.Пінчук. – К.: НАН України. Ін-т історії України, 2000. – Ч. 2. Історіографія. – С. 415–434.

инских и российских ученых последней четверти XX в. – био-историографическим, посвященным истории научных школ и направлений и проч., в научный обиход был введен достаточно объемный материал, эмпирически и теоретически обосновывающий этот тезис.

Однако сама проблема «единства процесса развития историографии как научной отрасли и учебной дисциплины»³ была отчетливо поставлена и получила свое первое систематизированное выражение в работах Р.А. Киреевой и представителей школы историографов Воронежского университета на рубеже 70 – 80-х г.

Факт включения преподавания историографических курсов в университетах Российской империи в историографический процесс, взгляд на историю исторического образования в контексте истории исторической науки в целом свидетельствовали о новом понимании структуры историографического процесса⁴ и взаимосвязи учебного и научного «лика» историографических знаний.

Историографическую концепцию Р.А.Киреевой можно условно определить как «дидактическую модель» историографии, т.к. ее стержневая идея сфокусировалась в положении о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографической ветви исторических знаний.

Историография, по мнению Р.А.Киреевой, как особая ветвь исторического знания создавалась в качестве учебной дисциплины, т.к. ее появление происходило в статусе «университетской дисциплины» в процессе преподавания университетских курсов⁵.

Вектор движения историографии у Р.А.Киреевой – от учебной дисциплины к научной дисциплине.

Историография возникает из потребностей обучения и в системе высшего исторического образования выполняет сначала «научно-информационную функцию». Методика университетского преподавания требовала включать в лекционные курсы так называемые «обозрения» источников и литературы. Этот

раздел общеуниверситетских курсов, считает Р.А.Киреева, постепенно выделился в «специальную учебную дисциплину». Историография, «...занимая свое место в общей системе преподавания...перерастала в особую область исторического знания, выходя из учебных аудиторий на страницы печатных работ...»⁶.

Курс лекций по историографии занял свое место в системе высшего образования и читался как «специальная дисциплина», вводился в состав магистерских экзаменов. Постепенно расширялся круг историографической проблематики, формировался корпус историографических источников, совершенствовались исследовательские методы, вырабатывались «историографические каноны», определялись жанры историографических трудов. Наконец, возникли «элементы теории историографии» – т.е. сформировалась собственная теоретико-методологическая проблематика новой дисциплины. Одновременно был поставлен вопрос об организационных структурах, об участии историографов в «международной академической союзности» и др.⁷

Все эти позиции, считает Р.А. Киреева, свидетельствовали о том, что историография на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. приобрела собственное лицо, заняла конкретное место в системе исторической науки и исторического образования и именно «...университетское преподавание способствовало становлению и дальнейшему совершенствованию истории исторической науки»⁸.

«Внутренний рост» новой дисциплины был непосредственно связан с ее субъектом – «носителем» нового историографического знания. На протяжении второй половины XIX и начала XX вв., констатирует Р.А.Киреева, сложился круг специалистов-историографов. Это были, как правило, – «лучшие силы дореволюционной официальной науки», «крупнейшие историки России», преподаватели высшей школы, университетская профессура: С.М.Соловьев, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.С.Иконников, М.О.Коялович, В.О.Ключевский, П.Н.Милюков, Д.И.Багалей, А.С.Лаппо-Данилевский и др.

Большинство из них обладало высшим научным званием академика: действительными членами Академии наук были С.М.Соловьев, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.О.Ключевский, В.С.Иконников, А.С.Лаппо-Данилевский, Д.И.Багалей.

Этот круг авторов историографических сочинений не был однороден. В координатах «левые-правые», «радикалы-консерваторы» Р.А.Киреева выделяет «полярные» фигуры. Для середины – второй половины XIX в. на левом фланге находился И.В.Лашнюков, во многом следовавший за Н.И.Костомаровым, на правом – М.О.Коялович и К.Н.Бестужев-Рюмин. В начале XX в. полярными фигурами предстают В.С.Иконников и А.С.Лаппо-Данилевский. Вне зависимости от происхождения и убеждений этих ученых объединяет, по мнению Р.А.Киреевой, то, что все они имели «высшее профессиональное образование».

Р.А.Киреева обратила внимание и на индивидуальные особенности личности первых историографов. Наряду с концептуальными взглядами, умонастроениями, идеалами и проч., у каждого из них был свой стиль, который выражался в их историографических трудах. Для В.О.Ключевского характерно было «мыслить образами»; А.С.Лаппо-Данилевскому была свойственна «строгость формулировок», П.Н.Милокову – «категоричность суждений», В.С.Иконникову – «некая расплывчатость в манере изложения»⁹.

Усилиями сложившегося на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. круга ученых, обратившихся к историографической проблематике и «...много сделавших для внедрения курса лекций по русской историографии в учебный процесс, – констатирует Р.А. Киреева, – история исторической науки стала самостоятельной научной дисциплиной»¹⁰.

Написанная в традиционной для историков манере, без обращения к науковедческим исследованиям, работа Р.А.Киреевой не только аккумулировала богатейший эмпирический материал, но и представила сумму точных наблюдений и обоснованных выводов***.

К ТЕОРИИ ВОПРОСА

...истина очень коротка (все, что потом, – это только комментарий).

Умберто Эко.

1. О понятии «научное сообщество». Введенное Майклом Полани, а после работ Томаса Куна получившее довольно широкое распространение, это понятие считается ныне одной из фундаментальных категорий, применяемых при изучении структуры и динамики различных дисциплин.

В науковедческой литературе научное сообщество**** при всей вариативности дефиниций рассматривают как некую со-

*** Концепцию Р.А.Киреевой, на наш взгляд, можно рассматривать как один из вариантов решения проблемы институционализации историографии. Вместе с тем, именно в работах Р.А.Киреевой впервые дана характеристика коллективного субъекта новой области исторического знания эпохи университетской профессиональной науки. Предшествующий этап с его спецификой формирования историографической мысли в России представлен в работах И.И.Колесник, предложившей иную – «рефлексивную модель» становления историографии как научной дисциплины (См. подробнее: Попова Т.Н. Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Зап. ист. ф. – Одес. Ун-та. Историография и специальные исторические дисциплины. – Одесса, 1995. – Вып. 1. – С. 3–45). Предметом исследований И.И.Колесник стала также деятельность «профессорской корпорации» в процессе формирования украинской историографии и особенности этого процесса.

****Грамматическая приставка «со» способствовала появлению новой терминологии в философии второй половины XX в., что определило особую систему понимания фундаментальных категорий (событие, со-знание, со-творчество, со-действие и проч.): ориентацию на многомерное представление о реальности в контексте многообразия и постоянного преобразования форм субъектных взаимодействий, полифонического переплетения связей и зависимостей.

вокупность исследователей, для которых характерно: 1) единство в понимании целей науки и содержания своей научной деятельности; 2) принятие общих норм и идеалов, этоса науки; 3) определенное сходство специализированной научной подготовки; 4) общие формы коммуникации; 5) стремление к сохранению и передаче научных традиций и проч.

Не имея четких контуров в трактовках различных авторов, эта категория обычно соотносится с понятиями «республика ученых», «научная школа», «невидимый колледж», «гранулированная среда», «научный коллектив», «научная молекула», «интеллектуальный коллектив», «профессорская корпорация» и проч.

Многоуровневый подход к рассмотрению научного сообщества позволяет выделять типы сообществ: 1) профессиональное – сообщество ученых в целом в отличие от других сообществ (военнослужащих, политиков, художников и проч.); 2) национальное – сообщество ученых в пределах национальных государств; 3) дисциплинарное – сообщество ученых в рамках определенной области знания, круг специалистов в конкретной исследовательской области и проч. Видовыми вариантами научного сообщества могут выступать «научный коллектив» любой научной структуры; «научная школа», «невидимый колледж» и др.¹¹

Томас Кун в поисках единиц анализа науки первоначально сделал ключевым понятие *парадигма*. Исходя из эпистемологических и методологических соображений, он определял парадигму как совокупность убеждений и ценностей, моделей и образцов решения научных проблем, характерных для членов научного сообщества: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества...»¹².

Подобный «изоморфизм» (или, по определению самого Т.Куна, «логический круг»: парадигма объединяет членов научного сообщества и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму)¹³ вызвал критическую реакцию коллег, что заставило ученого пересмотреть исходные позиции.

В дополнениях к своей книге, сделанных в 1969 г., Т.Кун приходит к выводу о том, что научные сообщества должны рассматриваться как самостоятельный объект исследования без обращения к парадигме. Парадигма же, по его мнению, может быть обнаружена в результате «тщательного изучения поведения членов данного сообщества»¹⁴. Если бы эту книгу нужно было бы написать заново, замечает Т.Кун, «...то ее следовало бы начать с рассмотрения сообщества как особой структуры в науке»¹⁵. Таким образом, введя представление о научном сообществе на эпистемологически-методологических основаниях, Т.Кун впоследствии стал рассматривать это явление в категориях социологии науки.

Позиция Т.Куна, на наш взгляд, отразила общую тенденцию в эволюции подходов к изучению науки: от когнитивных к социальным и от их альтернативности к признанию единства социокогнитивных параметров науки.

Осознание естественноисторической неразделимости процессов формирования научного сообщества и складывания внутри него определенной парадигмы ориентировало ученых на поиск методологически и теоретически обоснованных единиц анализа науки, для которых была бы характерна инвариантность относительно не только различных методик эмпирического исследования, но и различных областей изучения науки.

Проблема поиска оптимальной единицы анализа науки была обусловлена и новым ее видением: вопрос уже состоял не в том, какие единицы можно получить, исходя из метода (пример Т.Куна. – *Т.П.*), а в том, какой репертуар методов возможен для эмпирической фиксации и изучения некоторой теоретически выделенной структурной единицы¹⁶.

2. Научное сообщество и научная дисциплина. Общая эволюция исследования науки обусловила поиск оптимальной аналитической единицы с определенным параметрическим универсализмом. Такой единицей для многих исследователей науки с 70-х гг. стала *научная дисциплина*.

При наличии в литературе различных вариантов в опреде-

лении параметров научной дисциплины можно выделить общие подходы к формированию дисциплинарного образа науки: 1) дисциплинарная структура науки скрепляется предметным и методологическим единством в исследовании определенной области или определенного аспекта реальности; 2) по дисциплинарному принципу в основном происходит организация научных учреждений, осуществляется подготовка кадров, строится система образования, формируется коммуникационная система (происходит отбор рукописей для научных журналов, проводятся научные конференции и симпозиумы и т.п.); 3) многие взаимосвязи между наукой и обществом осуществляются именно на дисциплинарном уровне; 4) по принадлежности к той или иной научной дисциплине, как правило, идентифицируют себя ученые и, наконец, 5) научное сообщество в целом расчленяется по дисциплинарным признакам (подобный подход остается сегодня общепринятым и в статистике научных кадров, и в изучении науки)¹⁷.

Выделение научной дисциплины в качестве аналитической единицы «...отражает и самосознание науки, поскольку в представлении самих ученых дисциплинарная оформленность сферы их непосредственных интересов выступает как идеал, как утвержденный традициями науки образец направления исследований, обретшего достаточно высокий и устойчивый статус в научном сообществе»¹⁸.

В связи с этим и организация т.н. «переднего края» науки, для которой все более характерна междисциплинарная структура, *проблемно-ориентированный* тип исследований предполагает, как правило, включение в свой исходный принцип *дисциплинарную матрицу*.

Это понятие, также введенное Т.Куном, применялось им как аналог парадигмы в том смысле, что дисциплинарная матрица является набором «предписаний», имеющим парадигмальный характер и объединяющим вследствие этого членов научного сообщества. Понятие «дисциплинарная», поясняет Т.Кун, обозначает обычную принадлежность ученых-исследователей к

конкретной дисциплине. Понятие «матрица» включает в себя компоненты, суть которых – определенные группы «предписаний» парадигмального характера.

Дисциплинарная матрица включает следующие группы компонентов****.

1. «Символические обобщения» – формальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых всеми членами конкретного научного сообщества («...мощь научной дисциплины, – считает Т.Кун, – ...должна...возрастать по мере того, как увеличивается число символических обобщений, поступающих в распоряжение ученых-исследователей»¹⁹); законы и определения наиболее употребляемых терминов.

По сути, это – категориальный аппарат науки, «язык науки», выраженный в символах – математических и понятийных, аксиоматические положения, облеченные в логическую форму. Научные революции влекут за собой отказ от обобщений, прежний смысл которых не соответствует новому пониманию сущности явлений, их обозначающих. «Показал ли Эйнштейн, – замечает Т.Кун, – что одновременность относительна, или он изменил само понятие одновременности?»²⁰. Коренной пересмотр категориального аппарата – условие обновления науки, перехода на новый качественный этап ее развития.

2. «Метафизические парадигмы» – «общепризнанные предписания», «концептуальные модели», система методологических и философских принципов, используемых членами научного сообщества для обоснования различных эвристических приемов (по Т.Куну – «эвристические» и «онтологические» модели)²¹. Возможно, эту позицию можно трактовать и как «...совокупность метафизических установок, задающих ту или иную онтологию универсума»²², это – «картины мира», «стиль мыш-

**** Предложенная трактовка положений Т.Куна – специалиста в области естественнонаучного знания – отражает взгляд историка, попытку спроецировать эти общенаучные позиции в область исторического знания.

ления», траектория которых неразрывна с траекторией исторической рефлексии.

3. *Ценности*, которыми руководствуются члены научного сообщества, включая некие стандарты, нормативы, образцы решения исследовательских задач, исходные точки отсчета в оценке теорий, самой науки, ее общественных функций; «общепринятые ценности» как «детерминанты поведения группы» с их аксиологическими и эстетическими основаниями. Несмотря на «индивидуальную модификацию» в применении общепринятых ценностей, в своей принципиальной основе они являются эталонными предписаниями для членов научного сообщества²³.

4. «*Образцы*» – конкретные решения научных проблем, признанные примеры. Т.Кун пишет о *системах «образцов»*: на уровне обучения («образцы» для студентов); на уровне послеевропейской самостоятельной научной работы («образцы» для ученых-исследователей). «Образцы» опираются на «символические обобщения» и едины в каких-то фундаментальных основаниях, но в рамках конкретных специальностей и специализаций они могут иметь свою и весьма значительную специфику²⁴.

В процессе закрепления канонов, образцов научной деятельности, в сохранении и передаче традиций особая роль принадлежит учебному «лику» науки. Соединение проблемы институционализации науки с проблемой дисциплинарности позволяет рассматривать категорию научное сообщество как ключевую параметрическую характеристику научной дисциплины²⁵.

Систематическое профессиональное образование становится важнейшим фактором формирования, сохранения и передачи традиций – дисциплинарной матрицы. Триединая суть науки – в неразрывности ее когнитивной, дидактической (обучающей) и коммуникативной функций – в полной мере проявляет себя лишь на уровне дисциплинарной организации научной деятельности, коллективным субъектом которой и выступает научное сообщество.

В последней трети XX в. в науковедческой литературе поня-

тие *научная дисциплина* было тесно увязано с понятием *научное сообщество*²⁶.

Выдвижение на первый план изучения образцов деятельности как стержня всех парадигмальных механизмов научного сообщества ориентирует, в свою очередь, на анализ самого научного сообщества, на исследование конкретно-исторической специфики складывания автономных дисциплинарных научных сообществ. «Научное знание, – писал Т.Кун, – подобно языку, по своей внутренней сути является или общим свойством группы, или ничем вообще. Чтобы понять его, мы должны понять специфические особенности групп, которые творят науку и пользуются ее плодами»²⁷.

ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Историю делают люди,
а историю исторической науки – историки.*

М.В. Нечкина

В системе высшего исторического университетского образования Российской империи XIX – начала XX вв. выделение историографии в особый предмет преподавания произошло не сразу.

«Выкристаллизация»²⁸ историографии шла от чтения и комментирования античных авторов, от систематического изложения позитивного фактажа по предмету общих курсов к анализу источников и концепций ученых, к обобщению последних научных результатов в рамках конкретных предметов преподавания, а затем – к осмыслению самого процесса исторического познания, взглядов ученых на пути формирования и развития исторического знания.

Становление историографических курсов на историко-филологическом факультете Новороссийского университета отражало эту общую линию.

Первые курсы историографического плана обычно имели обзорный, библиографический характер, предворяя общие курсы по истории, и включали, как правило, не только обзор «посо-

бий» – исследовательской литературы, но и источников: «Обзор важнейших источников и пособий для знакомства с русской историей» (Г.И.Перетяткович, 1877 – 1907); «Обзор источников и пособий для изучения эпохи Петра I» (Г.И.Перетяткович, 1885); «Критико-библиографический очерк источников и пособий при изучении новейшей русской истории» (А.И.Маркевич, 1883), «Ознакомление с источниками и пособиями по истории южной и западной России польского периода» (А.И.Маркевич, 1885) и др.

Вместе с тем, по воспоминаниям А.И.Маркевича, профессор П.М.Смирнов при чтении историографических лекций в конце 1860-х – начале 1870-х гг. руководствовался историографическими очерками С.М.Соловьева, имевшими, как известно, «портретный» характер²⁹.

Историографические элементы были и в пропедевтических курсах, которые читались преподавателями, как в университете, так и на Одесских высших женских курсах: «Энциклопедическое введение в славяноведение» (А.А.Кочубинский, 1885), «Введение в славяноведение» (М.Г.Попруженко, 1908); «Введение в изучение новой истории» (В.Э.Крусман, ОВЖК, 1911), «Введение в историю средних веков» (И.М.Бондаренко, ОВЖК, 1910); «Введение в изучение средневековой исторической литературы»; (П.М.Бицилли, 1913) и др.

С 1880-х гг. т.н. «предваряющие» курсы – «Обзоры», «Ознакомления», «Введения» и проч., в которых рассматривались вопросы теории и методологии исторической науки в целом или конкретной дисциплины, давался анализ источников и литературы, приводились библиографические сведения, стали правилом в учебной работе преподавателей факультета.

Термин «историография» в названиях курсов появляется в 1880-е гг., но закрепляется в начале XX в: «Русская историография» (А.И.Маркевич, 1880 – 1882); «Очерк русской историографии XIX в.» (В.А.Вохевич, 1905), «Русская историография» (Г.И.Перетяткович, 1907), «Историография русской истории и обзор источников» (И.А.Линниченко, 1908) и др.

Утверждение самостоятельного курса «Русская историография» на историко-филологическом факультете Новороссийского университета связано с именем Е.П.Трифильева³⁰. Выпускник Харьковского университета (1890 г.), ученик Д.И.Багаля и П.Н.Буцинского, он был знаком с лекционными курсами своих учителей: «Об источниках и литературе XVIII в. – в дополнение к лекционному курсу русской истории от Екатерины II до Александра I включительно» (П.Н.Буцинский, 1887), «Систематический курс русской историографии» (Д.И.Багалей, 1888). С 1912 г. Е.П.Трифильев читал курс «Русской историографии» ежегодно сначала для славяно-русской группы исторического отделения факультета, а с 1914 г. – для студентов 1–2 курсов всех четырех специализаций (славяно-русской, всеобщей истории, истории искусств, истории философии) с обязательным итоговым экзаменом. В качестве пособий рекомендовались историографические труды К.Н.Бестужева-Рюмина, В.С.Иконникова, П.Н.Милюкова.

На практических занятиях по общему курсу русской истории студенты исторического отделения готовили рефераты по тематике проблемной историографии («Удельный период в русской историографии», «Вопрос о влиянии татар на Русь в русской историографии», «Вопрос о происхождении Земских Соборов в русской историографии», «Царствование Бориса Годунова в исторической литературе» и др.), по персоналиям («Теория В.О.Ключевского о происхождении Земских соборов», «Философско-исторические взгляды П.Я.Чаадаева»), изучали исторические концепции В.Н.Татищева, И.Н.Болтина, Н.М.Карамзина, В.О.Ключевского и других историков, анализировали историографические источники («История о великом князе Московском» А.М.Курбского и др.).

Постановка курсов по западно-европейской историографии связана с именами В.Э. Крусмана, («Главные обобщения новой истории», 1912; «Историография нового времени», ОБЖК, 1914), П.М.Бицилли («История историографии», 1918); К.П.Добролюбского («Западно-европейская историография», 1920)

и др. Историографические элементы входили в общие курсы по западно-европейской истории А.Г.Брикнера и по истории Византии Ф.И.Успенского и С.Д.Пападимитриу.

Тематика ежегодных конкурсных работ, представляемых студентами на золотую медаль, свидетельствовала об историографической ориентации и в области студенческих научных исследований. В 1903 г., например, И.М.Бондаренко, ставший затем преподавателем факультета, получил золотую медаль за работу на тему «Критическая оценка главнейших течений происхождения городской организации на основании данных по истории возникновения городов в Англии» (тема была выдвинута Е.Н.Щепкиным).

Проблемы историографии освещались в ряде читаемых спецкурсов теоретико-методологического характера: «Энциклопедия и методология истории», «Историческая критика» (А.Г.Брикнер, 1868); «Методология истории», «Обзор социологических учений» (Е.Н.Щепкин, 1902 – 1904; ОВЖК, 1908); «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)» (В.Э.Крусман, 1912); «Общая теория истории» (В.Э.Крусман, 1915), «Вспомогательные науки истории», «Методология истории» (В.Э.Крусман, ОВЖК, 1914) и др.

Представители университетской профессуры, оценивая новые тенденции в развитии исторической науки и исторического образования, отмечали, что «изложение истории» (интерпретация исторического материала, имеющая проекцию в методы преподавания истории) связано с эволюцией самого понятия истории как науки (задачи, содержание, методы, значение и др.). Своеобразным «противовесом» увлечению фактическим материалом, по их мнению, явились науки, имеющие «общий характер» и стоящие в непосредственной связи с историей, – это: методология истории, историография, социология и др. Их формирование как учебных дисциплин отразило новый этап в методике преподавания – переход к «научно-критическому изложению истории»³¹.

Изучение историографических и методологических проблем

исторической науки постепенно выделялось в самостоятельное направление научных исследований профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Новороссийского университета.

Методологические проблемы: о предмете и задачах исторической науки, историческом методе, специфике исторического познания и др., рассматриваемые обычно в историографическом ключе, поднимались в работах А.Г.Брикнера («О главных задачах исторической науки», 1868), А.С.Трачевского («Современные задачи исторической науки», 1879), Н.П.Кондакова («Наука классической археологии и теория искусств», 1872), П.М.Ардашева («Психология в истории», «История как наука», «Прогресс в исторической науке», 1904), Е.Н. Щепкина («Вопросы методологии истории», 1905), Г.Е.Афанасьева («О образовательном значении истории», 1907), А.А.Павловского («Значение и успехи классической археологии», 1892) и др.

Особая роль в историографических исследованиях принадлежала первым обобщениям по истории исторической науки в Одессе и Новороссийском университете, истории самого университета. Эта тема стала предметом специальных работ В.Н.Юргевича («Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. 1839 – 1889», 1889), Ф.К.Бруна («30-летие Одесского общества истории и древностей, его записки и архивные собрания», 1872), А.И. Маркевича («25-летие Императорского Новороссийского университета», 1890), М.Г. Попруженко («Императорский Новороссийский университет / по поводу 50-летия его существования/», 1915)³² и др.

Многочисленные рецензии, юбилейные статьи, некрологи на смерть коллег составляли значительный массив историографических публикаций в творчестве представителей научного сообщества историков в Новороссийском университете³³.

На примере творчества профессора И.А.Линниченко наглядно вырисовывается диапазон жанрового и проблемного многообразия историографических исследований.

Его перу в разные годы научной деятельности принадлежали работы по

1) проблемной историографии («Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси», 1886; «Критический обзор новейшей литературы по истории Галицкой Руси», 1891 и др.);

2) биоисториографии – посвященные крупным историкам «Владимир Бонифатьевич Антонович, 1830 – 1908», 1910; «Евгений Болховитинов, митрополит Киевский», 1912; «Александр Александрович Кочубинский, 1845 – 1907», 1916; «Батенька Георгий Иванович [Перетяткович]», 1916 и др.);

3) вопросам истории и теории исторической науки («Русская историческая наука и археологические съезды. Соображения Иоанна Амартола», 1884; «Рационализм польско-латинских историков в передаче событий русской истории», 1888; «О новых теориях происхождения польского государства и сословий в Польше», 1893 и др.);

4) истории научных обществ и учреждений («Первая годовщина [ОБО при ИНУ]», 1912; «Общество любителей Российской словесности: Страничка из его прошлого», 1911; «Исторический путь и городские музеи», 1911; «Музей города Киева», 1911 и др.) и проч.;

По жанровой характеристике это были:

1) специальные статьи, выступления и речи («Василий Осипович Ключевский: Речь, произнесенная на собрании Одесского Библиографического Общества при Императорском Новороссийском университете 14 мая 1911 г.», 1911);

2) публичные письма («Малорусский вопрос и автономия Малороссии: Открытое письмо проф. М.С.Грушевскому», 1917; «Письмо в редакцию: [Политический портрет Е.Н.Щепкина]», 1917 и др.);

3) рецензии («Иконников В. Опыт историографии русской истории», 1892; «Отзыв заслуженного ординарного профессора И.А.Линниченко о соч. г. Трифильева», 1910);

4) отзывы на диссертации, студенческие сочинения, конкурсные работы студентов («Отзыв ординарного профессора

И.А.Линниченко о трудах П.Иванова» / Рец. на дисс: Иванов П. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIX века. Одесса, 1895. Магист. дисс., 1905; «Отзыв о сочинении: «Начальные годы Ришельевского лицея», представленном на соискание медали» / Рец. на соч.: Блюменфельд Д. «Начальные годы Ришельевского лицея». Авт. соч. студента/, 1916; «Отзыв ординарного профессора И.А.Линниченко о представленных в 1904 г. в историко-филологический факультет Новороссийского университета работах на соискание золотой медали на тему: «Земские соборы в эпоху междоусобицы» / Рец. на соч.: Авалиани С., Ландау Б. «Земские соборы в эпоху междоусобицы». Авт. соч. студ./, 1904);

5) юбилейные статьи и некрологи, воспоминания об историках («А.И. Маркевич: Биографические воспоминания и список трудов», 1904; «Памяти П.Н.Павлова-Сильванского», 1909; «Н.И.Костомаров: К 25-летию со дня его кончины», 1910; «Графиня П.С.Уварова: К 25-летнему юбилею», 1910; «Памяти А.С.Хомякова: К 50-летию со дня смерти, 1 мая 1804 – 28 сентября 1860 г.», 1910; «Младший из старших славянофилов: Памяти К.С. Аксакова», 1910; «Памяти А.И.Маркевича: К десятилетию со дня его кончины», 1913; «Профессор Виктор Иванович Григорович: К 100-летию со дня его рождения», 1915) и др.³⁴

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*В любой истории есть смысл.
Я умею найти смысл там, где не видят другие.
И история становится книгой живых...
Для этого нужно только время.*

Умберто Эко.

Научно-педагогическая практика историков в Новороссийском университете была «насыщена» историографической проблематикой. Однако эти данные³⁵ как историографический факт вряд ли можно считать достаточными для вывода о том, что научное сообщество историографов в системе региональной исторической науки состоялось.

Нельзя назвать ни одного ученого, в творчестве которого бы историографическое направление стало доминирующим, никто из них не идентифицировал себя с историей исторической науки как со своей специализацией.

Важнейшие парадигмальные показатели, такие как: представление о предмете и содержании историографии как самостоятельной области, ее статусе, функциях, месте в системе исторического и в целом научного знания – еще не приобрели достаточно устойчивых границ в рамках институционального взаимопонимания.

Не сложились и формы коммуникационной системы: организация историографических конференций, специализированных изданий и структур была делом отдаленного будущего.

Тем не менее, о начале формирования дисциплинарной стадии в развитии историографических знаний, безусловно, можно говорить.

Важнейшими показателями этого процесса были: 1) увеличивающийся массив историографических публикаций, все более разнообразных по проблемно-жанровым характеристикам; 2) формирование собственной теоретико-методологической проблематики: вопросы предмета, проблемного поля, целей историографических исследований, имени новой дисциплины и проч. стали предметом размышлений А.Г.Брикнера, А.И.Маркевича и других ученых; 3) утверждение историографических курсов в системе высшего исторического образования.

Эти «показатели» нельзя разъединять – в реальной практике они были выражением деятельности того круга ученых-историков, которым в большей степени был присущ научно-критический склад ума, высокий уровень личностной рефлексии, наконец, ориентация на новые направления исторических исследований, обусловленная как индивидуальными чертами творческого облика, так и влиянием учителей, научных школ и проч.³⁶.

В системе факторов, определивших переход к дисциплинар-

ному оформлению историографии как одной из форм исторической рефлексии³⁷ в качестве важнейших следует выделять: 1) эволюцию форм самосознания науки в целом, переход к гносеологизму в развитии внутринаучной рефлексии в рамках европейской культурной традиции и 2) завершение к рубежу XIX – XX вв. процесса институционализации самой исторической науки.

1. См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук. – М., 1986; Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – М., 1980; Сычева Л.С. Современные процессы формирования наук: Опыт эмпирического исследования. – Новосибирск, 1984; Старостин Б.А. Становление историографии науки (от возникновения до XVIII в.) – М., 1990 и др.

2. См.: Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). – М., 1966; Его же. История зарубежной этнографии. – М., 1978; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917. – СПб., 1992; Королев Г.И. Актювая археографія і дипломатика в Словакии в XVIII – начале XX в. // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и мат-в. – Брянск, 2001. – Вып. 3 – С. 74–95; Заремба С.З. Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис... д-ра іст. наук. – К., 1996; Чижко В.С. Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис... д-р. дис іст. наук. – К., 1997; Матяш І. Архівна наука і освіта в Україні 1920–1930-х років. – К., 2000; Колесник І.І. Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. – К., 2000; Українська фалеристика. З історії нагородної спадщини. Авт. колектив: Табачник Д., Бузало В., Дмитрієнко М. та ін: У 2 кн. – К., 2004. – Кн. 1 и др.

3. Алленов С.Г., Матвеева М.С., Чесноков В.И. К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России // Проблемы ист. отечественной ист. науки. – Воронеж, 1981. – С. 118.

4. См.: Попова Т.Н. Историографический процесс: к экспликации понятия // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Зб. наук. пр. та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, д-ра

іст. наук, проф. В.О. Замлинського. – У 2 част. / Відп. ред. М.Ф.Дми-
трієнко. – К.: НАН України. Ін-т історії України, 2001.– Число 6 (7).
– Ч. 2. – С. 323–343.

5. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволю-
ционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1983. – С. 15, 206.

6. Там же. – С. 29, 73, 206.

7. Там же. – С. 206–212.

8. Там же. – С. 73.

9. Там же. – С. 4, 23–73, 206–207.

10. Там же. – С. 72–73.

11. См.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической
философии. – М., 1985; Кун Т. Структура научных революций. – М.,
2002. – С. 226–229; Философия и методология науки. – М., 1996. –
С. 382–387; Мирская Е.З. Социология науки в 80-е годы // Социаль-
ная динамика науки. – М., 1996. – С. 31; Лешкевич Т.Г. Философия на-
уки: традиции и новации. – М., 2001. – С. 328–336 и др.

12. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2002. – С. 225.

13. Там же. – С.226.

14. Там же.

15. Там же. – С.226–227.

16. См.: Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изу-
чения науки. – М., 1986. – С. 215.

17. См.: Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержа-
нию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты.
– М., 1980; Мирский Э.М. Междисциплинарность и дисциплинарная
организация науки. – М., 1980; Дисциплинарность и взаимодействие
наук. – М., 1988; Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. –
М., 1988 и др.

18. Юдин Б.Г. Указ. соч. – С. 216.

19. Кун Т. Указ. соч. – С. 235.

20. Там же. – С. 236.

21. Там же. – С. 237.

22. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. – С. 331.

23. Кун Т. Указ. соч. – С. 237–240.

24. Там же. – С.240–241.

25. См. подробнее: Попова Т.Н. Об институционализации историографии // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – Пам'яті відомого вченого-іст., д-ра іст. наук, проф. А.В. Санцевича. – К., 1999. – Число 3. – С. 54–68.

26. См.: Парсонс Т., Сторер Н. Научная деятельность и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты. – С. 27–55; Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Там же. – С. 218–256; Школы в науке. – М., 1977; Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск, 1977; Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981; Современная западная социология науки. Критический анализ. – М., 1988; Жоль К.К., Сиволоб Ю.В. Информация, общественные науки, управление (философско-эконом. анализ). – К., 1991; Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 295–342; Корзун В.П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований. Материалы международ. семинара. – СПб., 2000. – С. 47–49 и др.

27. Кун Т. Указ. соч. – С. 268.

28. См.: Алленов С.Г., Матвеева М.С., Чесноков В.И. Указ. соч. – С. 120.

29. См.: Маркевич А.И. 25-летие Новороссийского университета. – Одесса, 1890. – С. 176.

30. См. подробнее: Попова Т.Н. Из истории региональной историографии (Профессор Новороссийского университета Е.П. Трифилев) / Историческая память. Историко-краеведческий ежегодник. – Одесса, 2000. – Вып. 2. – С. 60–66.1. См.: Отчет о состоянии Императорского Новороссийского университета за 1902 год. – Одесса, 1903. – С. 2, 10–11; Лаппо И.И. Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания // Уч. зап. Юрьевского ун-та, – 1906. – № 1. – Отд. 2. – С. 11–12.

32. Приведенные данные выявлены и систематизированы автором за источниками: Обзорение преподавания в Императорском Новороссийском университете. 1885–1916; Протоколы заседаний Совета

ИНУ. 1867–1903; Отчет о состоянии и деятельности ИНУ. 1868–1916; Формулярные списки профессоров и преподавателей ИНУ; отчетная документация и проч. // Государственный архив Одесской области. – Фонды 42, 45, 334 и др.

33. См.: Попова Т.М., Мирошниченко В.О. Біоісторіографія в історико-краєзнавчих дослідженнях // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (Зб. статей). – К., 1999. – Вип. 6. – С. 261–264.

34. Данные взяты из: Иван Андреевич Линниченко (1857–1926): Библиограф. указатель / Сост. О.Ю.Ноткина, В.А. Мирошниченко; Науч. ред. Т.Н. Попова // Архив НБ ОНУ им. И.И.Мечникова (в рукописи).

35. См. подробнее: Попова Т.Н. Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. статей. – Воронеж, 2004. – Вип. 7 – С. 30–49.

36. См. подробнее: Попова Т.Н. Алексей Маркевич // Історіографічні дослідження в Україні / Відп. ред. Ю.А. Пінчук. – К., 2003. – Вип. 12: Визначні постаті української історіографії XIX–XX ст. – С. 113–151; Ее же. К анализу научного наследия П.М.Бицилли // Проблемы славяноведения. Сб. науч. ст. и мат-в. – Брянск, 2004. – Вип. 6. – С. 213–224.

37. См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. – Днепропетровск, 1993; Ее же. Українська історіографія. XVIII–початок XX століття. – К., 2000 и др.

Tatyana Popova

**FOR E PROBLEM OF FORMING A SCIENTIFIC COMMUNITY
OF HISTORIANS OF THE HISTORICAL SCIENCE:
REFLECTIONS ON THE GIVEN THEME**

The author of the article for the first time in a domestic historiography has raised and has tried to substantiate theoretically the important scientific question concerning forming of a scientific community of historians of historical sciences.